

питье. Соперник Тимокреонта, поэт Симонид Кеосский ещё при жизни поэта посвятил ему следующую эпиграмму-эпитафию: *«Много я пил, много ел и на многих хулу возводил я; / Нынче в земле я лежу, родянин Тимокреонт»* (Симонид. Фр. 169).

Великий учёный Пифагор разработал особую диету для атлетов кротонской школы. Именно эта диета якобы и стала решающим фактором в подготовке будущего победителя в борьбе Эвримена из Самоса (Diog. Laert. VIII. 12). Результат этой «мясной» политики был очевиден: в период с 564 по 510 г. до н. э. в списках победителей Олимпийских игр значились 13 побед кротонцев. Недаром в это время вошла в обиход поговорка *«последний из кротонцев равен первому среди греков»* (Strab. VI. 1. 12) [7, 161–164]. Кроме того, Пифагору приписывают и теорию кулачного боя.

По версии Олимпиодора на Олимпийских играх в панкратионе побеждал афинский философ Платон. Это свидетельство вызывает большие сомнения, но что несомненно, так то, что именно в диалогах Платона мы встречаем подробное описание различных видов олимпийской атлетической программы: пятиборья, разных видов бега и всех единоборств — панкратиона, борьбы и кулачного боя. Однако именно Платону принадлежит и критика профессионального спорта, главной бедой которого философ считал отклонение от военной атлетики (Plat. Leg. VII. 813d-e; Plat. Res. Pub. 404 a-b).

Платону вторил великий трагический поэт Еврипид, который назвал атлетов «рабами своего желудка» и «величайшим бедствием Эллады» (Eug. Avtol. Fr. 282). Авл Гелий в «Аттических ночах» писал, что Еврипиду было предсказано, что он станет победителем в состязаниях (XIII. 20. 1). Отец Еврипида решил, что сын должен стать атлетом, заставил его активно упражняться и отправился вместе с ним в Олимпию, чтобы тот принял участие в состязаниях среди юных атлетов. Но Еврипид не был допущен к олимпийским состязаниям из-за слишком юного возраста. Однако он успешно выступил на Тезеях и Элевсинских играх в 470 г. до н. э. или в кулачном бою, или в панкратионе (Philochorus FGrH 328 F21) и стал, по свидетельству Авла Геллия, первым победителем в таких состязаниях на этих играх (NA. XV. 20). Однако именно в трагедиях Еврипида до нас дошли лучшие описания конных скачек: это и участие Ореста на Пифийских играх («Электра»), и разбившаяся колесница Ипполита («Ипполит»), состязания колесниц Пелопса и Эномая («Орест») и другие.

А. В. ЛОГИНОВ (МГЮА им. О. Е. Кутафина)

ВОЗМЕЗДИЕ У ГОМЕРА

Выделенные в гомеровском эпосе сюжеты, которые имеют отношение к возмездию, можно разделить на несколько групп. Каждая группа соответствует определённому виду возмездия: 1) композициям¹, 2) изгнанию, 3) заключению в оковы, 4) кровной мести, 5) божественному возмездию, 6) мести за павшего в бою товарища или родственника, 7) расправе над лицом более низкого социального статуса. Композиции, изгнание, заключение в оковы, кровную месть, божественное возмездие (которое в эпосе является

¹ Композиции (от лат. compositio — возмещение) — «материальное возмещение за убийство или увечье как альтернатива кровной мести» [2, 345].

отражением человеческой практики), месть за павшего в бою товарища или родственника можно считать формами мести, то есть возмездия, направленного на лицо более или менее равное по социальному статусу. Помимо мести в гомеровском эпосе есть расправа над лицом более низкого социального статуса (чаще всего рабом).

Композиции, изгнание, заключение в оковы в гомеровском эпосе можно считать видами наказания¹. Кровную месть и божественное возмездие (так как в эпосе оно, как правило, заканчивается гибелью человека) можно считать лишь видами репрессии или кары.

Композиции относительно часто встречаются в гомеровском эпосе (Ил. 18. 496–508, Ил. 9. 632–636, Ил. 3. 284–290, Ил. 3. 459–461, Од. 8. 347–348, Од. 8. 355–356, Од. 22. 54–59, Од. 22. 61–66, Од. 2. 76–78). Например, Аякс рассказывает Ахиллу, что можно принять выкуп и после убийства родственника: «Кто-то за убийство родственника или за своего убитого сына принял выкуп с убийцы. И, многое, заплатив своего, тот остаётся среди народа. У принявшего выкуп же успокаивается его сердце и мужественный дух» (Ил. 9. 632–636)².

В гомеровском эпосе относительно много примеров изгнания. Чаще всего причиной изгнания является совершение убийства (Ил. 23. 85–90, Ил. 16. 570–576, Ил. 15. 429–432, Ил. 2. 661–666, Ил. 24. 480–482, Од. 13. 257–274, Од. 15. 223–225, Од. 14. 379–381, Од. 23. 118–120). Так, к Телемаху с просьбой о помощи подошёл Феоклим: «К нему подошёл муж из далёкой страны, совершивший убийство и бегущий из Аргоса» (Од. 15. 223–225).

У Гомера также встречается наложение оков (Ил. 5. 386–391, Од. 1. 204, Од. 8. 348–360). Например, Диона рассказывает Афродите историю о том, как на Ареса наложили оковы: «Арес выдержал, когда сильный От и Эфиальт, сыновья Алоейя, заковали его в тяжёлые оковы и держали в медном сосуде тринадцать месяцев. И там бы погиб Арес, ненасытный в сражении, если бы мачеха, прекрасная Эрибея не известила Гермеса. Он выкрал уже изнурённого Ареса: его одолели тяжкие оковы» (Ил. 5. 385–391).

Изгнание, композиции, наложение оков можно признать мерами возмездия более лёгкими, чем кровная месть. Однако все они являются частью единой системы возмездия в гомеровских поэмах, действующей при возмездии равному по социальному статусу — мести. Если родственники убитого не были согласны с подобными наказаниями, мщение переходило на стадию кровной мести³, которая предполагает убийство обидчика.

Причиной кровной мести может быть убийство родственника (Од. 24. 430–437, Од. 24. 470, Од. 1. 40–41, Од. 3. 308–310, Од. 3. 203–204, Од. 3. 196–197). Так, Гермес убеждал Эгисфа отказаться от убийства Агамемнона, «ибо состоится месть Ореста Атрида, когда он возмужает и пожелает своей земли» (Од. 1. 40–41).

Уничтожение имущества и оскорбление, нанесённое семье героя, также может быть поводом для кровомщения (Од. 14. 82–83, Од. 14. 90–91, Од. 16. 431–432, Од. 18. 143–144, Од. 21. 332, Од. 13. 396, Од. 24. 458–459, Од. 23.

¹ Не все формы возмездия в гомеровском эпосе можно причислить к наказаниям. Наказание стремится перевоспитать обидчика и восстановить положение дел, бывшее до совершения злодеяния [см.: 11, 504–507, 522, 528].

² Здесь и далее перевод А. В. Логинова.

³ См. о кровной мести у древних греков [10, 20–27].

356–358, Od. 16. 107–109, Od. 18. 143–144, Od. 24. 458–459, Od. 14. 164, Od. 22. 39–40, Od. 16. 107–109, Od. 18. 143–144, Od. 24. 458–459, Od. 14. 164, Od. 22. 39–40, Od. 18. 346–348, Od. 20. 284–285, Od. 21. 427, Od. 24. 325–326). Например, Одиссей в речи, обращённой к Амфиному, в качестве причин для возмездия перечисляет следующие действия женихов: «Вижу женихов, замышляющих такие дерзости, истребляющих богатство и бесчестящих супругу» (Od. 18. 143–144).

Троянская война, судя по словоупотреблению, в эпосе осмысливается именно как возмездие за похищение Елены (Il. 17. 93–94, Od. 14. 70, Od. 14. 117, Il. 1. 159, Il. 3. 28–29, Il. 1. 152–154, Il. 13. 622–624, Il. 4. 161–162). Так, Менелай считает, что не может оставить тело Патрокла троянцам, так как «он лежит здесь из-за моей мести» (Il. 17. 93–94).

Месть Одиссея Полифему является чем-то средним между мщением на поле боя за убитого товарища и кровной местью (Od. 9. 317, Od. 23. 312–313). Пенелопе Одиссей рассказал, «как отомстил за погибших товарищей» (Od. 23. 312–313).

Кровная месть в эпосе похожа на мщение на поле боя за павшего в бою товарища или родственника (Il. 18. 336–337, Il. 21. 134–135, Il. 21. 26–27, Il. 15. 68, Il. 22. 271–272, Il. 22. 333, Il. 18. 93, Il. 16. 398, Il. 22. 18–20, Od. 22. 216–223). Например, Ахилл так угрожает троянцам: «Но вы погибнете злой смертью, посредством которой вы оплатите за убийство Патрокла и гибель ахейцев» (Il. 21. 134–135).

Божественное возмездие в эпосе является проекцией человеческой практики в мир богов (Il. 1. 42, Il. 1. 94–95, Il. 1. 453, Il. 1. 505, Il. 1. 559, Il. 2. 3–4, Il. 1. 354, Il. 15. 76, Il. 16. 237, Od. 13. 144, Il. 15. 115–116, Od. 12. 378, Od. 12. 382, Od. 13. 213, Od. 9. 269–271, Od. 9. 479, Od. 22. 414–415, Il. 19. 259–260, Od. 2. 66, Od. 17. 60, Od. 20. 169–170, Od. 17. 565, Od. 22. 39, Od. 22. 414–415). Так, Гелиос требует, чтобы Одиссей и его спутники: «понесли справедливое наказание за коров» (Od. 12. 382).

В гомеровских поэмах есть случаи расправы — репрессии по отношению к лицу более низкого социального статуса (Od. 22. 167–169, Od. 22. 172–177, 192–193, Od. 22. 475–477, Od. 18. 339, Od. 22. 443, 465–473). Например, Эвмей спрашивает у Одиссея, привести ли ему на расправу раба-козопаса Меланфия, «чтобы он оплатил за многие злодеяния» (Od. 22. 167–168).

Если подводить итоги, то следует ещё раз подчеркнуть: гомеровская месть состоит из двух частей: наказания (композиции, изгнание, наложение оков) и кары (кровная месть, божественное возмездие, мщение на поле боя за убитого товарища или родственника)¹.

Е. В. БУЛЫЧЁВА (РГГУ)

ФЕОФРАСТ И ЕГО СООБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ЛИКЕЕ

Одним из выдающихся интеллектуалов античной эпохи является Феофраст. Ему принадлежат труды по этике, психологии, биологии [16, 255]. Именно он развивал наследие своего выдающегося наставника Аристотеля

¹ Божественное возмездие и мщение на поле боя за убитого товарища не относятся к видам наказания, так как и божественное возмездие, и мщение на поле боя, как правило, предполагают гибель обидчика.

и способствовал процветанию созданного им интеллектуального сообщества — аристотелевского Ликей.

Сведения о его жизни известны из труда Диогена Лаэртия (II в. н. э.) (Diog. Laert, Vit. Philosoph). Феофраст был родом из г. Эреса на о. Лесбос, по преданию, его отец работал сукновалом. Время жизни мыслителя датируется как 371–287 гг. до н. э. Судя по описанию Диогена, ещё юношей Феофраст прибыл в Афины, где слушал лекции Платона, а затем познакомился с Аристотелем, проникся его идеями и стал его верным учеником и последователем (Diog. L. 78). Как сообщает античный мыслитель Авл Геллий в своём трактате «Аттические ночи», Феофраст сделал всё, чтобы учение его великого учителя стало популярным, особенно старательно он заботился о развитии кружка интеллектуалов в Ликее (NA. XIII). Судя по описанию античных авторов, Ликей представлял собой школу, круг интеллектуалов, которая напоминала собой платоновскую Академию. При этом в науке нет единого мнения о том, кто из мыслителей внёс больший вклад в развитие этого интеллектуального сообщества — сам его создатель Аристотель или Феофраст [17, 142]. Об организации этой интеллектуальной школы мы знаем из завещания Феофраста в переложении Диогена Лаэртия (Diog. L. V, 2, 51–57). Сам Диоген Лаэртий рассказывает, что он узнал об этом из сборника завещаний выдающихся продолжателей Аристотеля, который был составлен одним из сколархов в Ликее, жившим после Феофраста, Аристоном Кеосским (Diog. L. V, 3, 64). В рассказе Аристана нет упоминаний о развитии Ликей при Аристотеле, что даёт нам возможность предположить, что это сообщество стало особенно активно развиваться при Феофрасте [3, 515]. В завещании Феофраста речь идёт о том, что после Аристотеля Феофраст становится сколархом (духовным руководителем) Ликей и в его обязанности входит контроль за обеспечением как духовного, так и материального развития сообщества. Судя по этому описанию, Феофраст прекрасно справлялся с этим обязательством, способствуя процветанию Ликей. Он постоянно осуществлял хозяйственную деятельность, делая всё возможное для развития сообщества. Будучи сколархом, он занялся обустройством храма Муз, который являлся центром Ликей, прилагал немалые усилия по организации строительства портиков, а также различных строений, которые были предназначены для проживания сколарха и некоторых слушателей, для учёных занятий, библиотеки и других служб (Diog. L. V, 1, 4). Для того чтобы осуществлять все эти работы, а также ухаживать за садом, примыкающим к святилищу, использовался труд рабов и вольноотпущенников, контроль за которыми также осуществлял Феофраст (Diog. V, 2, 54). Он старался пользоваться поддержкой меценатов, среди которых были знаменитые политические деятели. Античные авторы отмечают, что Феофраст был настоящим интеллектуалом своего времени, который не тратил времени на пустые политические рассуждения, что вызывало уважение к нему весьма известных граждан. Подобно Аристотелю, Феофраст критически относился к политическим крайностям — тирании, олигархии и радикальной демократии. Так, например, Цицерон противопоставлял практическую, деловую активность Дикеарха Мессенского философски созерцательной жизни Феофраста (Cic. Epistulae ad Atticae. II. 16. 3). Возможно, что Феофраст старался придерживаться подобных позиций ради процветания его

Ликея, поскольку ему была необходима поддержка (в первую очередь материальная) от весьма состоятельных политиков. Особое уважение к Феофрасту испытывал знаменитый правитель Деметрий Фалерский, с помощью которого Феофрасту удалось решить некоторые экономические вопросы, в частности приобрести земельный участок с садом близ Ликея (Syll³. 906). Проявляя заботу о материальном благополучии Ликея, Феофраст способствовал созданию благоприятной атмосферы, необходимой для интеллектуальных занятий. Интеллектуальная деятельность сообщества при Феофрасте была весьма активной. Он проявлял немалые усилия по созданию огромной библиотеки, в которой были собраны как труды Аристотеля и самого Феофраста, так и работы других знаменитых интеллектуалов предшествующих эпох. Афиней сообщает о том, что при ближайших преемниках Феофраста эта драгоценная книжная коллекция была куплена большим любителем и ценителем книг АPELLIKOНОМ с Теоса, который восхищался её потрясающим содержанием и особенно воздавал похвалы Феофрасту как основному её создателю (Athen., I. 4, p. 3b). По-видимому, здесь важно отметить и тот факт, что пока сколархом был Феофраст, он старался развивать библиотеку и делать её достоянием Ликея, но когда его не стало, преемники не смогли (в силу ряда причин) продолжать эту важную деятельность [17, 146].

Феофраст тщательно заботился о том, чтобы его интеллектуалы получали не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые при изучении ряда наук. В связи с этим он старался на территории Ликея развивать сад и огород, поскольку наблюдения за растениями помогали при изучении ботаники (Diog. L. V, 2, 54). Из содержания трактата Феофраста «Исследования о растениях» понятно, что учёный немало путешествовал сам (III. 3.1; IV. 12.4: VI. 2, 7), а также он отправлял своих учеников в другие регионы, чаще всего в Аркадию и Беотию, чтобы тщательно изучить особенности флоры этих мест (III. 12.3).

Согласно Диогену Лаэртию, Феофраст всю свою жизнь посвятил научным занятиям и развитию интеллектуального сообщества в Ликее. Он не назначил себе непосредственного преемника — сколарха, но оставил комплекс в Ликее в общее распоряжение своих друзей и учеников. В своём завещании он пишет: «Сад и прогулочное место и все постройки при саде, — отдаю тем из названных здесь друзей, которые пожелают и впредь там заниматься науками и философией» (Diog. L. V. 2, 36). При этом он, по-видимому, следует своим убеждениям, высказанным в «Характерах». Истинный гражданин не должен быть жадным и несправедливым, поэтому он наказывает своим последователям: «Пусть они ничего себе не оттягивают и не присваивают, а располагают всем сообща, словно храмом» (Там же). Для него особенно важно, чтобы в сообществе царил дух взаимопонимания, дружеская, домашняя атмосфера общения между интеллектуалами: «пусть живут по-домашнему дружно, по пристойности и справедливости» (Там же).

Наследие Феофраста стали изучать византийские учёные, которые признали в античном мыслителе настоящего интеллектуала [1, 15]. При этом они не только восхищались его трудами, но и деятельностью Феофраста как сколарха Ликея, старались возродить идею интеллектуального сообщества, порождённую Платоном, Аристотелем и Феофрастом.